

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ИМЯ РЕК

40 причин поспорить
о главном

Захар Прилепин
Имя рек. 40 причин
поспорить о главном
Серия «Захар Прилепин.
Публицистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56083208

Имя рек. Сорок причин поспорить о главном / Захар Прилепин: АСТ;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122205-5

Аннотация

«Быть может, у меня ничего не получилось, но я так не думаю.

Перед вами – итоги моих болезненных размышлений о нашем с вами Отечестве.

Чтоб понять, кто мы и зачем, нужно было заново пересобрать все представления, и я бережно, с тщанием ребёнка, пересобрал.

В какой точке бытия находимся мы и куда следуем. Что есть Родина. Какое отношение мы имеем к Древней Руси. Насколько близки к нам князья династии Рюриковичей и кто для нас Грозный Иоанн. Как мы из дня нынешнего видим “белых”, и что нам думать о “красных”. И прочие попутные вещи, осмыслять которые мы не перестанем ещё долго: Великая Отечественная и

бесовские пляски вокруг неё, украинский, погрязший во лжи, вопрос, Владимир Семёнович Высоцкий, российские демократы, русский, берега потерявший, рок, земля у нас под ногами и звёздочка у нас над головой.

Беспощадные русские вопросы, милосердные русские ответы».

Захар Прилепин

Содержание

Неслучайная история России	5
Слияние трёх рек	14
Первые князья – наши будущие князья	20
Грозный день радости	24
Сорок сороков украинской войны	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Захар Прилепин

Имя рек. Сорок причин поспорить о главном

Неслучайная история России

Нужно зафиксировать точку, где стоим.

Наследницей чего является Россия?

Никому, кроме одичавших без призора, не нужно доказывать, что Россия – прямая наследница Руси языческой, Древней Руси православной, Московского царства, Российской империи, Советского Союза.

Россия наследует Византии – как правопреемница православия.

Москва – Третий Рим, и четвёртому не бывать: это однажды сказали весьма проницательные люди.

Вместе с тем, географически Россия – наследница империи Чингисхана, она вобрала в себя эту империю почти целиком. Большинство народов, составлявших войско Чингисхана и Орду, – Россия приняла и сохранила.

Теперь мы – дружественные племена, у нас великое общее прошлое и заманчивое будущее. Мы не янки среди индейцев: мы, в отличие от янки, принимаем великое наследство

чингизидов и благодарим за него.

Бурятия и Татарстан, Якутия, Башкирия, Калмыкия, Чувашия, Хакасия, Крым, и так далее – все те территории, где традиционно проживали – с какого-то времени наряду с русскими и другими народами, – буряты, волжские татары, крымские татары, якуты, башкиры, калмыки, кумыки, ногайцы, хакасы, чувашаи, балкарцы (мы ещё не всех перечислили), – составляют порядка 25 % от нынешней России. Надо отдавать себе в этом отчёт. Понимаете, что такое 25 % России? Это едва ли не весь Евросоюз целиком.

Россия – наследница традиции княжеской, традиции монаршей, традиции Советской социалистической, демократической традиции. Все эти вещи уживаются, и всякий здравомыслящий человек найдёт во всём этом смысл, услышит движение истории, осознает масштаб и перспективу.

Россия – не Европа, а сложное евразийское образование, бóльшая часть которой Европой не может называться географически; десятки народов России никак не могут быть европейцами даже этнически; сложно соотнести с европейцем сибиряка, жителя Камчатки, жителя Алтая, жителя Сахалина, жителя Кабардино-Балкарии. Более того: европеец никогда не будет всех их соотносить с собою.

Вместе с тем, Россия – прямая наследница Старого Света, великой европейской культуры. Классическая музыка и балет, изобразительное искусство и литература, а даже с какого-то момента и воинское дело, – почти всё это нами было

принято из Европы, и нашими стараниями культурные достижения Европы были многократно приумножены.

Мы оказали на Европу влияние во многом не меньшее, чем она на нас. В каком-то смысле мы – хранители европейских традиций, иные из которых современная Европа стремительно теряет.

То, что сегодня Европа пытается примерить на себя сияющие одежды этнической толерантности и веротерпимости, – нам не в новинку: мы всегда тут так жили, иным народам свой опыт в качестве образцового не предлагали и на тесноту не жаловались.

Если доверить преподавание истории сторонникам монархии, они неизбежно будут исключать Советский период, или преподносить это время в сугубо негативном контексте. Но очевидно, что никогда Россия не занимала такого важного и определяющего положения в мире, как в советские времена.

Советские историки преподносили всю историю, как неизбежный путь к свершению социалистической революции, и откровенно вульгаризировали многие исторические процессы.

Русские националисты разумно радеют о русском человеке, но часто не берут во внимание интересы десятков народов России. Для многих русских националистов предпочтительно делать вид, что этих народов со всей их разнообразной историей нет вообще; или не должно быть.

Впрочем, националистам других народов России свойственны те же грехи и огрехи: они нередко начинают воспринимать своё прошлое как историю борьбы с Россией, уделяя всё меньшее внимание нашему великому и многовековому общегосударственному сотворчеству и придавая всё большее значение конфликтам – причём конфликтам зачастую откровенно маргинального толка. Эти чудаки воруют великую историю собственного народа.

Либералы изучают Россию какими-то странными скачками: отдельные демократические традиции Древней Руси (историю которой, впрочем, либералы готовы отдать Украине или Белоруссии, лишь бы не доставалась нам), Новгородское вече, а оттуда куда-нибудь к Борису Годунову, или сразу к Петру Великому – принимая его весьма выборочно, а дальше к Екатерине Великой, а следом к Александру III, или Николаю II – опять же, весьма осторожно, и, наконец, к февральской революции. Дальше у них следует «чёрная яма», а за ней – весьма короткий период правления Горбачёва (к нему, впрочем, даже у либералов есть вопросы) и время Бориса Ельцина. Не история, а «выбранные места». «Вишенку съем, коржик не буду, безе раскрошу ложкой».

Но Россия – это всё, что мы есть. Это огромное богатство; давайте не будем его разбазаривать в угоду чьим-то предпочтениям.

У меня тоже есть предпочтения, но я о них сегодня смолчу.

Мы – радетели своей страны, ищущие смысл в её победах и поражениях, пытающиеся понять и выучить все эти уроки; это нормально.

Конечно же, «демократические принципы управления государством» и прочая «децентрализация» не могут служить оправданием княжеским усобицам, поражению на Калке и последующим многовековым поражениям. Но и многовековые поражения не могут отменить наших разнообразных, далеко не всегда деструктивных отношений с Ордой.

Борьба с боярской коррупцией не может служить оправданием опричнины.

Осмысленность никонианской реформы не оправдывает преследование старообрядцев.

Великие преобразования Петра не есть оправдание великих зверств и дуростей Петра.

Гибель всей семьи последнего российского монарха не должна служить оправданием Кровавому воскресению и позору русско-японской войны.

«Белый террор» – не оправдывает «красный террор». Впрочем, как и доказательства «красного террора» не могут отрицать сам факт «белого террора».

Необходимость коллективизации – не оправдывает зверское раскулачивание, а внутривластные конфликты – кошмар 1937-го и 1938-го.

Инерционные и геронтологические процессы времён позднего Союза – не оправдывают его рукотворный распад,

некорректную приватизацию, расстрел Парламента и очередную «семибанкирщину».

Однако определённую историческую логику во всей этой истории необходимо увидеть.

Опричнина была не случайно, был не случаен Никон – и его ссылка тоже не была случайной, не был случаен Пётр – и эпоха дворцовых переворотов, наступившая после него, не была случайной, экспансия на Кавказ и в Азию не были случайными – и героическое сопротивление Кавказа и Азии случайным не было, не был случаен февраль 17-го, октябрь 17-го. И август 91-го, увы, случаен не был.

Не была случайной потеря Крыма – и возврат его имеет очевидный смысл, не ясный только фарисеям и слепцам.

Не оправдывая всё безоглядно, мы ищем в себе силы понять и принять всё, исправляя то, что в силах исправить.

Ни слово «царский», ни слово «советский», ни слово «демократический» для истинно русского человека не может быть ругательным.

История – как вода: она пробивается сквозь толщу времён.

Кто вправе осудить реку?

Нас вынесли сюда эти волны.

Быть может, кто-то хотел приплыть в другое место – что ж, извините. Вашей мышечной силы не хватило, чтобы противостоять. Попробуйте не захлебнуться, когда всех нас повлечёт дальше.

Помните: многие и многие государства погибли по пути – а мы есть. Сотни народов рассеяны, тысячи языков исчезли, но мы на месте. Эту удачу надо ценить.

Александр Сергеевич Пушкин написал «Капитанскую дочку», где смог разглядеть правду Гринёва и правду Пугачёва. Се – зарок.

Сергей Александрович Есенин написал «Анну Снегину», где смог разглядеть правду помещицы Снегиной, русского большевика, русского мужика.

Александр Александрович Блок написал «Скифов» – которые вмещают в себя если не всё, то очень и очень многое: азиатские волны, кавказские волны, славянские рубежи, новые приливы и отливы.

Россия будет беречь все народы, живущие на её территории, и помнить, что русский менталитет, русский язык, русский гений почти уже тысячу лет – определяющий центр евразийского единства.

Россия неизбежно будет конфликтовать с теми или иными соседями: по той простой причине, что мы раз в сорок больше любой европейской страны – значит, у нас объективно в сорок раз больше протяжённость границ, и в сорок раз выше вероятность иметь те или иные спорные моменты во взаимоотношениях с кем бы то ни было. Никакой нацеленности на конфликт здесь нет – исключительно арифметика.

Наши традиции добротолубия и веротерпимости ни в коей мере не противоречат нашим военным традициям. Кто не

хочет этого понять – будет иметь дело с якутскими стрелками и сибирскими полками, с чеченским спецназом и бурятскими танкистами.

Наша страна неизбежно будет наследовать всей своей истории сразу и питаться мудростью всякого народа, её населяющего.

Видя русскую правду, мы неизбежно разглядим правду всей непомерной России.

Время примирит нас всех, а пока наша задача – примирить времена внутри русской истории.

Это не так сложно, как может показаться.

Не надо сводить счёты, не надо звать ангажированных людей на раздел пирога. Этот пирог – не делится: он общий. Споря вокруг этого пирога, можно задуть любую из тысячи свечей, что горят на нём. К чему?

Если мы здесь – значит, все эти времена, и все идеологии, порождённые прошедшими временами, работали в конечном итоге на нас.

Когда великого Шамиля, после многолетней войны с русскими, везли в Санкт-Петербург, он сказал: «Если б я знал, что Россия такая огромная, – я бы не стал с ней воевать».

Русская история – такая же огромная; не пытайтесь бросить туда камень, в лучшем случае смочит волной вас самих.

Всякий, кто хочет преподать нашу историю через призму одной идеологии, – обворовывает нас.

Идеология – всего лишь выбор способа экономических и

социальных отношений на ближайшее будущее.

У российского народа, у искусства, у истории – нет идеологии.

Белый генерал, идеалист и герой Анатолий Пепеляев, помыкавшись меж русским мужиком и якутским кочевником, в итоге записал в дневнике: «У народа идеи нет».

Он был в отчаянье, но отчаиваться тут нечему.

Идеи нет, и она не нужна.

Но если всё-таки спросят о будущей идеологии, что ж. Наша идеология на будущее – быть соразмерными всему нашему прошлому.

Всему прошлому: европейскому, азиатскому, кавказскому, дальневосточному, «белому», «красному», анархическому, демократическому, монархическому, бунташному, верноподданническому.

Всему, говорю, прошлому, а не части.

Наше личное бессмертие – наша душа.

Россия – наше национальное, общенародное бессмертие.

По поводу будущего мы всё равно поссоримся. По поводу прошлого нам делить уже нечего: оно неделимо.

Слияние трёх рек

Говорят, в России всё не как положено. Всё не то, чтоб наоборот, а как-то по-своему.

Смотришь – и кажется, что тот, на кого ты смотришь, нарядил всё наизнанку. Подошёл поближе – нет, всё в порядке. Отошёл на два шага – объект рассмотрения вообще исчез.

В испуге бросаешься прочь – и понимаешь, что он на плечах у тебя сидит.

Всё у нас так.

Вот, к примеру, слияние Оки и Волги, так называемая «Стрелка».

Вроде бы считается, что Ока впадает в Волгу.

Однако от истока до места слияния у Нижнего Новгорода Ока на 187 км длиннее Волги. То есть, если по уму – Волга впадает в Оку.

Но это ж совершенно немыслимо!

Как Волга может впадать в Оку, если в Оке полторы тысячи километров, а в Волге больше трёх с половиной тысяч?

Тем более, что именно Волга несёт воды многих русских рек, в неё впадающих, в Каспийское море.

Хотя, как сказать, в море. Дело в том, что Каспийское море – не совсем море, а самое большое бессточное озеро.

То есть, реки русские собираются-собираются, собираются-собираются, – 150 тысяч притоков! – но до океана ни од-

на капля нашей воды не дотекает. Всё в дом, всё дом.

Кажется, в этом есть какой-то мистический смысл. Или, напротив, никакого нет. Но когда никакого смысла нет – это ещё более мистично.

Или вот ещё.

Русские патриоты любят пересчитывать, какое количество в центральной Европе, или, скажем, в Прибалтике наименований тех или иных объектов имеет славянское происхождение. Это как бы повышает самооценку патриотов. Они убеждают себя, что наши предки жили повсюду, в том числе по всей Европе.

Никак не пойму: в чём прелесть того, что наши предки жили по всей Европе, – и должен ли я радоваться тому, что их оттуда прогнали?

И зачем вообще искать причину для самоуважения во всём этом, если мы и так живём в самой большой стране мира?

Наконец, если мы раньше жили буквально везде, то где всё-таки жили все остальные?

Может быть, пока мы жили везде, – они жили у нас дома?

Например, говорят, что Ока – слово балтийского происхождения. До прихода славян, уверяют нас учёные, балты жили по верхнему и среднему течению реки.

В литовском и латышских языках слово «akis» (или, у вторых, «acis») означает «прорубь», «ключ» или даже... «глаз».

«Око» и «Ока» – ближайшие соседи по значению.

Есть и другая теория, что это не какие-то там литовские или латышские ключи и проруби, а просто общеевропейское «аква» – вода. Просто славяне ленились «квакать» и вообще два согласных подряд произносить, посему у них получилась Ака, которая затем, чтоб её не путали с АК (автомат Калашникова), переименовалась в «Оку».

Как бы то ни было, когда мы пьём «Аква Минерале», мы должны помнить, что и эта минералка тоже названа в честь нашей родной русской реки.

Хотя всё равно не очень понятно, отчего древние славяне были настолько ленивы, что не стали придумывать своего слова для кормящей их реки, а воспользовались ворованным.

Можно попытаться представить, как это было. Выходят из тёмного леса, жмурясь на солнце, кудлатые, бородатые прародичи русичей, видят возле речки бритых, благовоспитанных, симпатичных балтов в деревянных башмаках, и, недолго размышляя, решают их прогнать.

Неприятно рыча и размахивая суковатыми палками, русичи прогоняют балтов от реки, и немедленно садятся доедать подгорающую на костре рыбу, но потом вдруг, вспомнив одну важную вещь, посылают за балтами самого младшего – к счастью, те не успели далеко убежать. Младший из русичей догоняет их и спрашивает:

– Мужики, это, мы забыли спросить... а как называется вот эта штука...

– Какая?

– Ну, где много воды, которая течёт, и в ней живёт вкусная рыба.

– А, эта... Акис!

– Акис?... Нормально.

Пока молодой возвращается к костру, он, естественно, забывает странное слово, и на вопрос, как зовут эту, сырую и мокрую, длинную вещь, говорит:

– Эта... как её... Киа? Киса?... Ока!

С Волгой – та же самая история.

Раньше она называлась Итиль, Идель, Атал и даже Ра.

Но прижилось название Волга. Говорят, что и это имя произошло от балтийского. Слово «валка» означает у балтов одновременно и «текущий ручей», и «заболоченное место».

Некоторые бывшие, действующие, и, допуская, будущие народы России любят рассуждать на тему, что русские – их непутёвые дети.

К примеру, все народы, входившие в Орду (в том числе – татары, буряты, якуты, а также казахи, таджики, узбеки), считают, что они передали нам наследство Чингисхана – территорию, привычки и даже государственность. И мы этим пользуемся до сих пор. В свою очередь, украинцы уверены, что они нас выносили в своей колыбели, а мы выросли и всё забыли. Или, напротив, не забыли, а, будучи уже половозрелыми, норовим забраться в колыбель и покачаться, как в детстве.

Если по совести, прибалты должны с нас брать ежегодную выплату за использование слов «Волга» и «Ока».

Поёт, к примеру, Людмила Зыкина «Издалека-долго течёт река Волга», а латышские и литовские юристы уже шлют счёт на радио: словечко-то наше, будьте добры передайте нам копеечку.

Или запела группа «Чайф» песню «Ока-река», а юристы снова тут как тут: давайте ещё копеечку.

Впрочем, у нас всегда есть способ время до выплаты оттянуть.

Потому что ещё историк Василий Ключевский предполагал, что Ока – это славянизированная форма от финского «*ioku*» («река»). А Волга, в свою очередь, – форма от финского «*valkea*» («белый»). Видимо, финнам река казалась белой и светлой от солнечного света днём, и сияющей от лунного света ночью.

Так что, пусть пока балты с финнами судятся, а у нас других забот полно.

Лучше мы вспомним, что с давних времён сохранились притчи о том, что Волга – это дорога к Солнцу, путь в вечность.

Казалось бы: какой ещё путь в вечность, если всё это плывёт в Каспийский, запертый от всех бассейнов, и никуда оттуда не прорывается.

Но, подождите секундочку, я вам сейчас объясню.

Дело в том, что древние люди были очень прозорливы, и

видели на многие века вперёд.

Помните, как звали собачек, которые первыми совершили орбитальный космический полёт и вернулись на Землю невредимыми?

Правильно, Белка и... Стрелка!

В месте слияния Оки и Волги более чем уместны располагающиеся там, с одной стороны, Спасский собор Александра Невского, а с другой – памятник лётчику Валерию Чкалову. Они символизируют наши земные и небесные дороги к солнцу, к вечности.

Но там, на Стрелке, должен стоять ещё и памятник Стрелке! (И примкнувшей к ней Белке.)

Только на первый взгляд сочетание той самой, в космос улетевшей, собачки и двух рек мало чем связано.

На самом деле, от Стрелки – до космоса – рукой подать!

Кто бы тут ни жил в давние времена: балты, германцы или финны, – однажды явились сюда русы и сказали: милые наши соседи по планете, отошли бы вы немножко в сторону, а мы здесь останемся; нам ещё Стрелку в небо запускать.

Стрелка – слияние Оки, Волги и реки небесной, в которую впадает всё сущее.

Первые князья – наши будущие князья

Размышляя о насущном, сегодняшнем, болезненном, нужно чаще оглядываться: иногда получается, что именно так ты смотришь вперёд.

У древнерусского писателя, как правило, не было имени.

Древнерусские писатели переписывали друг за другом в летописи один и тот же канонический текст, добавляя время от времени новые события: победу, поражение, явление святого.

Они как бы сплетали венок – и добавляли туда яркий цветок, один. Весёлый или печальный цветок.

Древнерусский писатель, в числе других своих качеств, обладал, к примеру, таким: победу и свободу он понимал как обретение пространства, а поражение – как потерю пространства, «тесноту».

Этот важнейший древнерусский литературный зарок будет характерен в дальнейшем для всякого русского писателя – от Ломоносова и Пушкина до Бродского и Юрия Кузнецова – априори, на «генетическом уровне».

Впрочем, есть у нас и другие писатели. Для них и наше поражение, и «теснота» – тихий семейный праздник.

Они тоже пишут на русском языке. Иногда даже неплохо.

Но они – на других книжках учились.

Пресловутые стихи Бродского на отделение Украины – если смотреть на них в контексте древнерусской литературы – это стихи на потерю пространства, стихи о потере свободы, о поражении.

Чудаки думают, что это вывих сознания Бродского, – а это всего лишь эхо тысячелетней литературной традиции, заговорившей и через гениального Иосифа.

Древнерусский писатель считал необходимым перечислять каждое место, где случилось то или иное событие. Ценность этого места была абсолютной. Дмитрий Лихачёв называл такие места «маяками».

Русская история (и древнерусская литература) расставляла свои маяки и двигалась меж этим светом – один маяк на западе, другой на востоке, третий на севере, четвёртый на юге.

Ряд нынешних последователей русской литературы эти маяки убирает. Здесь вашего маяка, говорят, не стояло.

Или, к примеру, могут призвать на помощь пожарных из других земель: затушите, мол, этот маяк, а то смердит.

Но в древнерусской литературе все эти имена названы.

Мы помним то место на Волге, где конь святого Глеба запнулся и сломал себе ногу, о чём нам сообщает автор «Сказания о Борисе и Глебе». Мы изрисовали русскую землю стрелами стремительных походов из «Повести временных лет». Мы знаем, где крестился Владимир.

Другое важное качество древнерусской литературы – замороженность не только горизонтальным пространством русской земли, но и всей предыдущей историей – гордыми князьями, их дружинами, их богатырскими подвигами: своеобразной вертикалью нашего мышления.

Эти вертикаль и горизонталь образуют некий крест: когда наше пространство и наше прошлое строят нашу судьбу.

Древнерусский писатель одновременно писал о стремительных походах (движение в пространстве) и о предках действующего великого князя (движение во времени).

В наши дни из уст в уста передаётся нехитрая прогрессистская мысль о том, что мы на своих «бессмертных полках» гордимся подвигами, которые не свершали, – но если б о том же сказали древнерусскому писателю, он даже поленился бы отвечать на подобные глупости.

Дмитрий Лихачёв объяснял это так: «Древнерусские представления о времени исключали нас самих из восприятия времени. Прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, настоящее и будущее – в конце его, позади. “Передние князи” – это давние, первые князья. “Задние события” – последние. Поэтому “переднее” – прошлое – и было самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, первопричина. Он этого и “внуки” казались только наследниками славы и политики своих дедов и прадедов. Они могли наследовать “путь” дедов – или растерять их наследство и, как следствие, лишиться славы дедов».

Сегодня в зубах, как чужую палку, наши «прогрессивные» литераторы и мыслители таскают туда-сюда понятие «прогресс».

Но в древнерусской литературе такое понятие как «прогресс» – в любом синонимическом виде – отсутствовало вообще.

В древнерусском понимании «прогресс» – это не движение «вперёд», подальше от славы и привычек своих дедов. Истинный русский «прогресс» – это стремление быть как «передние князи».

Это не я сказал, это я – прочитал. Так завещал нам древнерусский безымянный писатель. Сотни древнерусских безымянных писателей так завещали.

Давно пора это записать красивыми буквами в главной национальной книге – и всякого чудака, который приходит сюда говорить о «прогрессе» и прочей «поступательной истории», валять в перьях и выставлять на посмешище.

Грозный день радости

Мы имеем привычку помещать всякую историческую личность в сегодняшний контекст, измеряя её достоинства и недостатки сообразно тому, что имеет на день текущий высшую ценность.

Или то, что кажется нам таковой ценностью.

Объект непрестанных споров – Иоанн Грозный.

Одни говорят, что при нём империя разрослась географически, и, как следствие, население многократно увеличилось: земли-то брали вместе с жителями.

Другие пытаются доказать, что Грозный воспринимал русского человека как раба, а наследственное рабство мы, как известно, пытаемся в себе изжить. И так получается – не ахти, а тут ещё Грозному памятник поставили. Хотя ведь, боже мой, в Орле! Далеко за МКАДом. Даже не на Красной площади! Но крик стоит, словно этот памятник скоро из Орла на очередной «прогрессивный» митинг прискачет и переедет всех пополам.

Противники установления памятника Иоанну Грозному с завидной убеждённостью говорят о том, что этого кровопийцу осудил сам народ, поименовавший его «иродом»; а народ у нас – высший суд.

Народ, впрочем, Петра Великого считал антихристом, Николая II именовал «крававым», зато Сталин по-прежнему

остаётся самым почитаемым политиком в России, невзирая на сериал «Московская сага» и многолетнюю работу Николая Карловича Сванидзе на телевидении.

На мнение народа у нас принято ссылаться, только когда оно совпадает с мнением прогрессивной части интеллигенции.

– Мужик, Грозный хороший был царь?

– Ирод!

– Вот видите!

– Что «вот видите?» Мужик, подожди, а Ельцин хороший был?

– Ирод!

Тут либо сразу двум иродам сносить памятники, либо вообще на мужика не ссылаться.

Либо, как положено в демократических странах, оба памятника оставить и суету не наводить.

Тем более, что фольклорные источники, касающиеся Иоанна Грозного, весьма разнообразны и заключают разнообразные оценки его деятельности. Не ставя целью обобщать весь фольклорный свод, приведу лишь один показательный пример.

Сохранившиеся в достаточном количестве песни о Степане Тимофеевиче Разине – одном из любимейших персонажей русского народа – имеют некоторые важные для нашего разговора особенности. Во многих песнях казнит Разина – Иоанн Грозный. Но напомним, что казнь его случилась в

правление Алексея Михайловича из династии Романовых.

По мнению сочинявшего и певшего эти песни народа, Алексей Михайлович, по прозвищу Тишайший, не был столь состоятелен, чтоб казнить самого Разина. Нужна была соразмерная Разину фигура. Таковым оказался Грозный царь.

Несмотря на то, что при Алексее Михайловиче состоялось воссоединение Украины с Россией, он всё-таки не тянул на эту роль: значимости не доставало.

Характерно, что в народных песнях, о которых идёт речь, Грозный не выглядит злодеем. Разина, конечно, жаль, но в целом ситуация подаётся внеэмоционально. Разин погулевал, Грозный царь, осерчав, нахмурил брови и приказал срубить казаку головушку. Два серьёзных человека не смогли разойтись на просторах суровой русской истории, бывает.

И вот что ещё интересно. Песни эти создавались в течение следующих полутора столетий, в том числе после смерти Петра Великого, сына Алексея Михайловича. Историческая аберрация могла бы привести к тому, что народ устроил бы встречу Разина не с Грозным, а с Петром: отчего бы и нет? Полтора века спустя, за неимением под рукой печатных источников, русские люди вполне могли ошибиться в датах: чтоб попасть на суд к Грозному, Разину надо было буйнить на сто лет раньше, а чтоб угодить в лапы к Петру – лет на тридцать-сорок позже. То есть, вероятность смещения разинского бунта чуть вперёд была даже выше.

Но нет, русские песнетворцы отправляли Степана Тимо-

феевича именно к Иоанну Васильевичу. Царь-ирод оказывался предпочтительнее царя-антихриста.

Основной причиной столь высокого положения Грозного в национальном сознании являются не географические приобретения как таковые – они имелись и у Алексея Михайловича, и у Петра Великого.

Да, то, что при Грозном Русское государство стало больше всей остальной Европы, впечатляет; видимо, где-то здесь находятся истоки сложного европейского отношения к нам: с чего бы у этих варваров такая огромная земля? Откуда они взялись вообще?

Однако русскому мужику до всех этих просторов дела было мало. Глобуса он не имел, оценить просторы не мог.

Зато у этого мужика имелась колоссальная и, как мы даже без малого пятьсот лет спустя понимаем, неистребимая травма: он помнил, как однажды и на многие века была унижена Русь; он знал про Ордынское иго.

История взаимоотношений с Ордой была даже не частью национальной памяти – а едва ли не всей памятью целиком, причём по большей части пугающей, чёрной.

Ни победа Дмитрия Донского на Куликовом поле, ни случившееся сто лет спустя, в 1480 году, стояние на Угре, согласно официальной точке зрения, положившее конец игу, – не вытравившие этой травмы. Непрестанные набеги с территорий Казанского ханства и Крымского ханства не позволяли ни о чём забыть.

Только в правление Иоанна Грозного было осуществлено до сорока походов казанских татар на русские земли – в регионы Нижнего Новгорода, Вятки, Владимира, Костромы, Галича, Мурома, Рязани, Вологды. Это почти вся русская земля на то время – за исключением стольного града, который крымцы ещё успеют сжечь в правление Грозного, и ещё свободного Новгорода.

Знание простого русского человека об Орде было знанием о непобедимой тьме; оно являло собой жесточайший сгусток трагедий, обид, мук.

Для русского человека эпохи Иоанна Грозного доордынская Русь была почти неразличима.

От дедов, прадедов, прапрадедов русский человек принял одно: Орда была всегда.

Орда беспощадна, Орда неоспорима, Орда сожгла сотни городов и деревень, увела тысячи и тысячи голов скота, продала тысячи и тысячи жён и дочерей на невольничьих рынках.

Орда – это чудище ненасытное, многоголовое, ужасающее.

И вот в 1552 году Грозный берёт Казань.

Это вам не Куликовская битва, через два года после которой Орда вновь сожгла Москву. И не стояние на Угре – что там стояние! – это поход и долгожданная, невозможная, необъяснимая победа.

Тогда случился абсолютный слом сознания.

Когда сегодня говорят, что Иоанн – синоним рабства, в это слово вкладываются нынешние, по сути, нелепые, паразитарные смыслы.

Русский человек эпохи Грозного воспринимал рабство более чем конкретно: в любой день может накатить злое воинство, накинёт тебе верёвку на шею, если ты ещё здоров и полон сил, изнасилует у тебя на глазах твою дочь и оставит малолетнего грудного сына задыхаться и кричать в пылающей деревне. Вот, чёрт возьми, рабство – а не те эфемерности, которыми сегодня многие так трогательно озабочены.

...Затем Грозный пошёл по следам откатывающейся и переходящей в русское подданство Орды – Астрахань, Сибирь. В 1556 году была разрушена одна из прежних столиц Золотой Орды – Сарай-бату.

Это, конечно, не было никакой колонизацией, как иногда представляют то движение Руси на восток. Если и был русский Грозный царь колонизатором – то вослед Чингисхану: тем более, что и сам, по матери, Иоанн Васильевич род вёл от Мамаёв, что для ордынской знати, давшей основу многим великим дворянским родам, имело огромное значение.

Послесловием к этому может служить полная победа в 1572 году русских войск над войском Крымского хана, пытавшегося вернуть Астрахань и Казань и возродить Орду.

Триста с лишним лет – вы только вдумайтесь в эту цифру! – длилось противостояние. И – закончилось.

Чтоб осознать масштабы тех событий, мы даже не можем

подыскать подходящего примера.

Представьте себе, что война с фашизмом длилась не четыре года, а хотя бы лет тридцать?

Или, если совсем близко к нашим дням, то такой пример. Девять десятых населения России было счастливо в день возвращения Крыма. И до сих пор большинство из нас рады этому событию, как чуду.

А теперь помножьте эту радость на сто раз, или даже на тысячу – ведь сегодняшний Крым не был источником бесконечных страданий для жителей России, а только лишь свидетельством двадцатилетнего – но не трёхвекового – национального унижения.

И когда радость внутри вас, заполняя всё ваше сознание и отменяя бесконечную чёрную память, станет почти невозможной, – вы, быть может, поймёте, чем русские люди обязаны Иоанну Васильевичу.

Грозный – не синоним рабства. Грозный – символ того, что рабство преодолимо.

Когда сидишь в столичном кафе, помешивая ложечкой свой утренний эспрессо, эти нехитрые вещи понять сложно.

Но если вдруг обнаружить себя в зиндане, затравленным, полуголым и всеми плюнутым, – некоторые исторические реалии сразу станут ближе и понятней.

...А вообще Грозный, конечно же, был деспотом, а временами – параноиком. И вообще – жестоким человеком. Кто бы спорил.

Сорок сороков украинской войны

14 апреля 2014 года киевской стороной был подписан приказ о начале «антитеррористической операции» на Донбассе.

Противостояние длится уже дольше Гражданской и дольше Отечественной – пусть и с неизмеримо меньшим количеством жертв.

Несмотря на многочисленные «перемирия», на Донбассе не было и дня без перестрелок, и не случалось недели подряд – без потерь.

Количество погибших с той и другой стороны – мирных, военных, местных, заезжих, – исчисляется десятками тысяч человек. Точные цифры в ближайшие годы никто не назовёт.

За минувшие годы мы сотни раз слышали упреки в том, что российская власть неспешна и боязлива: если и так весь мир обвиняет нас, что мы воюем на Украине, – почему бы действительно не ввести туда войска? Как сделал когда-то один из русских государей.

Иногда создаётся ложное ощущение, что раньше всё происходило очень быстро, а сейчас – всё идёт крайне медленно.

Но давайте вспомним.

В 1648 году, после ряда побед над поляками, Богдан Хмельницкий отправил Алексею Михайловичу письмо с просьбой принять в подданство запорожских казаков.

(«Путин, введи войска!»)

Решения в белокаменной и тогда принимались не слишком поспешно.

Спустя почти три года, в феврале 1651-го, созвали Земский собор, где, в числе прочего, было объявлено о желании Хмельницкого и запорожцев перейти в русское подданство.

Однако решение о «вводе войск» не приняли.

Повоюй, Богдане, ещё немного сам, – посоветовала московская сторона.

Только 1 октября 1653 года Москва решилась взять запорожских казаков в подданство.

Алексей Михайлович знал: это неизбежная война с Польшей.

Более того, он сообщил «европейским партнёрам» о своём намерении – в частности, посчитал нужным объяснить причины принятого решения французскому королю Людовику XIV: чтоб нас не воспринимали захватчиками.

(Сейчас часто повторяют: «России не стоит отчитываться ни перед кем! Во все времена мы принимали решения сами, не оглядываясь на Европу!» Нет, это не так.)

18 мая 1654 года московский царь лично выступил в поход. На шестой год описываемой истории!

Началась тяжёлая война с поляками.

Осенью 1656 года с Речью Посполитой было заключено Виленское перемирие.

В июле 1657 года умер Богдан Хмельницкий. В августе на

Чигиринской раде казацкая старшина возложила гетманские обязанности на Ивана Выговского, – до момента достижения Юрием Хмельницким совершеннолетия.

В октябре 1657 года, на Корсунской раде, Выговский был избран гетманом Украины. После чего присягнул Речи Посполитой и пошёл походом на Киев и другие, уже освобождённые русскими, города.

России пришлось направить на борьбу с Выговским отряд Запорожского войска Белгородского разряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.